

Украинцы все меньше доверяют Порошенко и правоохранителям

За последние полгода баланс уровня доверия к президенту Украины Петру Порошенко снизился. Об этом свидетельствуют данные социологического исследования фонда «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива и Центра Разумкова.

В июле 2015 года социологи отметили существенное падение доверия украинского общества к Президенту, баланс доверия-недоверия к которому составил -33%, тогда как еще в декабре 2014 года показатель составил +5%.

Также упал уровень доверия к парламенту: в декабре 2014 года Верховная Рада имела баланс доверия в 26%, а в июле 2015 года -63%.

Падает уровень доверия граждан и к правоохранительным органам. Так, к судам баланс доверия-недоверия составлял -67% в 2015 году по сравнению с -48% в 2010-м, а к милиции — до -57% в 2015 году по сравнению с 37% в 2010-м.

Спецслужбам тоже стали меньше доверять за последнее пятилетие: -34% в 2015 году в сравнении с 9% в 2010 году.

Власти на местах не доверяют гораздо больше, чем даже в 2012 году. Так, в июле 2015 года баланс доверия-недоверия составлял 22%, а в 2012 году этот показатель составлял +10%. Опрос проведен фондом «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива и социологической службой Центра Разумкова с 22 по 27 июля 2015 года.

Лекарство от Запада

Чтобы остановить циклические кризисы, надо отказаться от западной экономической модели

Мы наблюдаем коллапс финансовой системы. Так сказал в конце февраля текущего года известный финансист Джордж Сорос. К нему можно относиться по-разному, но приходится признать, что в финансовых вопросах он разбирается отнюдь не плохо.

Происходящее действительно похоже на коллапс. Еще в 1885 году неотвратимость системных капиталистических кризисов понял и доходчиво объяснил в своем «Капитале» Карл Маркс. Правда, он не сказал, что со временем они станут приходить все чаще, а масштаб их разрушительности будет становиться все больше. Если за весь XIX век мировых экономических кризисов случилось всего два (в 1857-м и 1873-м), то в XX веке их было уже семь, и самыми серьезными стали Великая депрессия в США (1929–1933), послевоенный кризис 1957 года, «энергетический» кризис 1973 года, «черный понедельник» 1987 года и азиатский кризис 1997-го, который через год, в 1998-м, накрыл и Россию. И вот XXI столетие всего за 15 лет успело принести уже три экономических коллапса: крах доткомов (2000–2003), ипотечный кризис в 2007-м в США и великая рецессия 2008-го. А в самом ближайшем будущем нас ждет еще и глобальный кризис Еврозоны. Что происходит с мировой экономикой и что с этим делать?

Эпидемия жадности
Надо признать, мировая экономика критически заражена болезнью под названием «ссудный процент», на принципах которого она сегодня полностью основана. Суть в том, что деньги превратились в «вещь в себе» и уже не являются отражением реальной стоимости реальных товаров или услуг, как это было на заре их возникновения. Процент заемщик обязан вернуть кредитору вне зависимости от итога своей деятельности. Есть прибыль, нет ее — банк свой процент получает всегда. Причем не долей от фактического результата, а в виде заранее установленной суммы, даже если ради

этого заемщик будет вынужден отдать последние штаны. Кстати, тут не важно, кто является кредитором — банк, фонд или частное лицо, открывшее в банке депозит. Принцип остается неизменным.

Отрыв денег от реальной экономики не только породил явление спекуляции как главной цели существования финансовой системы в целом, но и прямо противопоставил их самой экономике как таковой.

Взять, например, Великобританию. Ее ВВП (2,67 трлн долларов) на три четверти создается сектором услуг, треть которого — услуги финансовые. В то время как что-то реальное, с материальным воплощением, составляет всего 19,6% (18,6% — промышленность и 1% — сельское хозяйство). Чтобы такая экономика продолжала работать, ей требуется постоянный платежеспособный спрос, а для этого нужно все больше и больше денег. Она как колесо, которое не падает, только пока катится. Те же ЕЦБ и ФРС США, чтобы продолжать катиться, создают деньги просто «из воздуха» — печатая их в рамках программ так называемого количественного смягчения. Но до реального сектора они не доходят, оседая на счетах финансовых организаций, что вынуждает делать все новые и новые вливания. Это только на первый взгляд таким путем создается обширный свободный капитал, ко-

торый его владельцы инвестируют всюду, где может быть прибыль. Но принцип «ссудного процента» приводит к очень забавной трансформации. Деньги вкладываются не в реальные заводы или фабрики, а в ценные бумаги, чем поднимают их цену, тем самым создавая иллюзию роста ВВП. По сути, это обыкновенная спекуляция. Например, к марту 2010 года иностранные инвесторы вложи-

ли в Россию 265,8 млрд долларов, но только 38% этой суммы ушло в прямые инвестиции, то есть в создание чего-то материального, остальное — биржевая торговля. Поэтому, как только между нами и Западом начались политические сложности и дело дошло до санкций, всего за год эти же инвесторы вывели из РФ капитал в 151,5 млрд долларов. Думаете, они по кирпичикам разбирали заводы и фабрики и вывозили их в коробках? Совсем нет. Спекулянты лишь продали ценные бумаги.

Банкротство мирового масштаба

Приведенный пример показывает еще и принципиальную нерешаемость проблемы экономики «ссудного процента» инструментами все того же «ссудного процента». Когда в прошлом году Россия оказалась на пороге финансового коллапса, грозившего социальным взрывом, Центробанк решил спасти страну, задрвав ставку

рефинансирования до запредельных 17%. Лекарство, как ни странно, оказалось опаснее самой болезни. Отток капитала снизился, но расплатой за это стал полный паралич реальной экономики. Сейчас ставка понижена до 11,5%, но пока это не сильно помогло. Если в 2014 году объем промышленного производства в России еще успел подрасти на 1,7%, то всего за первые четыре месяца 2015-го он упал на 1,5%. Причина очевидна: итоговая стоимость кредита для реальной экономики остается в районе 20–23%. Брать столь дорогие кредиты может лишь бизнес, балансовая рентабельность которого превышает 35–40%, а таких почти нет. К примеру, в 2011 году в РФ средняя рентабельность по отрасли составила: в оптовой торговле — 13,8%, в розничной — 3%, в текстильном и швейном производстве — 5%.

Необходимость выйти из замкнутого круга, порожденного западной моделью экономики, неоспорима. Долгое время на нее удавалось закрывать глаза за счет завоевания новых рынков, но сейчас они кончились, и система «ссудного процента» стала пожирать саму себя и всю мировую экономику в придачу. Что ожидает тех, кто падет ее жертвой, видно по печальной судьбе Греции, Прибалтики и стран Восточной Европы. Там без средств к существованию оказываются те самые люди, которые являются потребителями товаров и услуг, то есть составляют важнейшую часть всего экономического механизма. Нет работы — нет денег, нет денег — нет продаж, нет продаж — нет смысла в самом производстве, а когда уже нет и производства, наступает полный крах экономики страны. Круг замкнулся.

Лекарство есть

Там, где нет «ссудного процента» — а такие места в мире есть, —

картина совсем другая. Существует, например, модель, которая успешно развивается с 1963 года и пока не произвела ни одного кризиса, подобного нашим. Она называется исламским банкингом и основывается на ряде императивов, принципиально отличающих ее от западной. Прежде всего в ней запрещены процентные сделки, а также сделки с условиями неопределенности. Это означает полное отсутствие понятия «ссудного процента» и ценных бумаг как таковых. Исламский банк не берет и не дает деньги под процент, он всегда выступает партнером в бизнесе, тем самым разделяя его прибыли и убытки. Его вкладчик не просто открывает депозит, а вместе с банком выбирает, во что конкретно и на каких условиях далее будут инвестированы его деньги. В случае успеха банк делится с ним прибылью, в случае неудачи часть убытков тоже ложится на вкладчика.

Существуют и другие различия, описание которых заняло бы много места. О них можно поговорить как-нибудь отдельно, а сейчас главное — осознать, какие возможности заложены в исламском банкинге благодаря всего лишь одному, но принципиально отличию от западного. Он работает исключительно с реальной экономикой. И исключительно на нее. А еще важнее — и для нас, пожалуй, еще удивительнее — он вполне самостоятельно существует без какого-либо государственного вмешательства и не нуждается в спекулятивных рынках, которые могли бы его подпитывать. Таким образом, в финансовой системе априори отсутствуют факторы, приводящие к системным кризисам, и даже сама возможность их появления исключена.

Александр Запольскис